

Еще письма Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу.

1763 *).

Я получила ваши поздравленія въ вашемъ письмѣ 40, какъ особенный знакъ вашей ко мнѣ привязанности. Какъ только я вернулась въ Петербургъ, я вспомнила вашу просьбу, при прощаніи со мною, разрѣшить вамъ по возвращеніи моемъ сюда пріѣхать повидаться со мною. Поэтому-то я приказала отправить къ вамъ рескриптъ, который вы вѣроятно уже получили. Ходятъ слухи, что вашъ сынъ съ супругою также готовятся къ этой поѣздкѣ; такъ какъ говорятъ, что эта дама очень мила, то мнѣ будетъ пріятно повидать ее. Я начинаю относиться съ большимъ почтеніемъ къ автору замѣтокъ на мемуаръ о Курляндскихъ дѣлахъ, опубликованный вслѣдствіе распоряженія Саксонскаго двора и который вы мнѣ присылаете листами; я желала бы, чтобы онъ скорѣе былъ отпечатанъ; я полагаю, что его можно было бы напечатать отдѣльными листами въ газетахъ. Надѣюсь, что Тиръ уже доставилъ вамъ мое послѣднее письмо; я обращаю ваше особенное вниманіе на его содержаніе; сознаюсь, что это для меня крайне важно. Здѣсь все прекрасно, и вездѣ господствуетъ веселіе. Будьте увѣрены во всегдашней моей дружбѣ и передайте мой поклонъ моимъ друзьямъ.

Въ Петергофѣ, 17 Іюня 1763.

*

Настоящимъ письмомъ увѣдомляю васъ о полученіи вашихъ №№ 36, 37, 38 и 39, которые достигли до меня въ разное время. Съ

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпускъ 8-й.

14 Мая стараго стилиа я постоянно въ дорогѣ, и потому предоставила себѣ отвѣчать вамъ по возвращеніи сюда, что и исполняю сегодня. Тѣмъ не менѣе, согласно желанію моихъ друзей и въ видахъ воспрепятствованія насиліямъ со стороны Виленскаго трибунала, я послала въ Митаву 4 полка. Надѣюсь, что это распоряженіе усугубило значеніе столь почтенной во всѣхъ отношеніяхъ Русской партіи, предупредило вредныя послѣдствія, которыя могло вызвать (какъ указывается въ вашей докладной запискѣ) бездѣйствіе и произведетъ согласное съ нашими видами впечатлѣніе, умножая въ тоже время число искръ подъ пепломъ.

Мои друзья считаютъ необходимою и полезною конфедерацію для искорененія злоупотребленій. Надѣюсь, что они согласятся со мною, что чѣмъ она будетъ менѣе продолжительна, тѣмъ лучше, потому что вызоветъ тѣмъ менѣе затрудненій и расходовъ. Очевидно, что, если трону Польскому суждено не сдѣлаться свободнымъ еще нѣсколько лѣтъ, а конфедерація составитъ теперь же, ее пришлось бы поддерживать все это время, безъ чего я не предвижу возможности достигнуть устраненія злоупотребленій и удовлетворенія нашихъ друзей. При томъ можно ли положиться во всемъ этомъ на графа Брюля и сложить оружіе съ тѣмъ, чтобы потомъ опять приняться за него. Признаюсь, что послѣ раззорительной войны казна моя пуста, и войско мое не можетъ держаться въ полѣ. Поэтому, несмотря на все мое желаніе поддержать своихъ друзей (что составляетъ для меня дѣло чести); прошу васъ увѣрить ихъ, что я не могу и не желаю вовсе ихъ оставлять, но прошу дать мнѣ время собраться съ силами, чтобы оказать имъ дѣйствительную помощь. Впрочемъ, такъ какъ миръ въ Европѣ заключенъ недавно, я не имѣла еще времени укрѣпить себя союзами, что въ настоящее время составляетъ предметъ моихъ заботъ, да при томъ положеніе различныхъ державъ недостаточно еще распуталось. Вышеизложенное можетъ, какъ мнѣ кажется, служить пока отвѣтомъ на предложенія моихъ друзей.

Предложенія королевской принцессы заслуживали бы, какъ мнѣ кажется, вниманія для того, кто не имѣлъ бы предъ собою перспективы престола. Вотъ все, что я могу высказать о нихъ, предоставляя моимъ друзьямъ выборъ между положеніемъ властелина и подданнаго.

Рѣшаюсь на послѣднюю попытку предъ Польскимъ королемъ, и если онъ не приметъ извѣстныхъ вамъ предложеній, то я умою себѣ руки. Это только для вашего личнаго свѣдѣнія.

Я вижу изъ послѣдняго вашего письма, что наши друзья очень разгорячены и совершенно расположены къ конфедераціи, но я не вижу, къ чему она приведетъ, пока Польскій король еще въ живыхъ; безъ порицанія я не буду имѣть возможность допустить, чтобы его свергли съ престола. Я хочу поддержать моихъ друзей, чтобы имъ не сдѣлали зла, чтобы они пользовались своими вольностями, законами и правами, но я также не позволю никакого новшества вреднаго Россіи. Я приказала своимъ министрамъ войти въ переговоры съ Саксонскимъ министромъ, какъ вы увидите изъ прилагаемаго при семъ документа. Я говорю только сущую правду, когда я говорю вамъ, что моя казна пуста и что она будетъ оставаться такою же, пока я не приведу мои финансы въ порядокъ, что не есть дѣло минуты; моя армія не можетъ выйти также въ поле въ этомъ году; поэтому предлагаю вамъ весьма серьезно сократить то, что вы найдете вреднымъ или слишкомъ пылкимъ въ поведеніи моихъ друзей, и въ особенности не давать имъ дѣлать вооруженій безъ моего согласія, дабы я не была вовлечена далѣе того, какъ требуетъ польза моихъ дѣлъ. Я приказала выслушать то, что Англійскій посолъ имѣетъ предложить для дружественнаго договора со мной, и приказала сообщить объ этомъ дворянамъ Вѣнскому и Прусскому. Это только для васъ одного, и подъ величайшимъ секретомъ.

14 Іюля 1763.

*

Я исправно получила чрезъ посредство моего поручика Аргамкова вашу депешу за № 41, адресованную мнѣ въ собственныя руки. Содержаніе ея, равно какъ и приложенныя къ ней записки Пулавской, обнаружили мнѣ какъ настроеніе нашихъ друзей, такъ и то, чего они желаютъ въ своемъ критическомъ положеніи. Эта депеша послужила для меня разясненіемъ вашихъ реляцій отправленныхъ въ Коллегію съ тѣмъ же поручикомъ. Я признала полезнымъ установить определенную систему, которой я хочу слѣдовать по дѣламъ Польскимъ и коей изложеніе вы найдете въ сегодняшнемъ рескриптѣ собственноручно подписанномъ мною, дабы не могло произойти никакого недоразумѣнія и чтобы мои друзья въ той землѣ знали навѣрное чего держаться, видя, что я не желаю воспользоваться запутанностію ихъ дѣлъ въ пользу какого нибудь частнаго интереса, который могъ бы быть предметомъ мелочной политики. Не нахожу ничего прибавить для вашего руководства къ вышеупомянутому рескрипту, изъ котораго вы усмотрите сами, какимъ образомъ я сохранила тайну нашей частной переписки. Я полагаю всю свою надежду на ваше усердіе, графъ Кейзер-

11*

лингъ, и на ваше искусство въ томъ, что вы приведете эти дѣла къ ихъ цѣли, для славы и пользы моего престола. Не могу достаточно рекомендовать вамъ старанія и бдительности, дабы мои Польскіе друзья оставались въ убѣжденіи въ твердой моей рѣшимости поддерживать ихъ всѣми приличествующими способами при настоящемъ положеніи нашихъ дѣлъ, и на этотъ конецъ я приму мѣры для доставленія вамъ денегъ, которыхъ вы ожидаете, такъ какъ я убѣждена, что, будучи осторожнымъ посланникомъ, вы всегда будете сообразовывать ихъ расходваніе съ важностію цѣлей. Я могу въ настоящее время послать вамъ въ Дрезденъ согласно мысли, которую вы мнѣ предлагаете; я нахожу ваше присутствіе въ Польшѣ необходимымъ для соглашенія дѣлъ обѣихъ партій. Въ этомъ вы убѣдитесь изъ моего рескрипта отъ сего дня. Но, перемѣнивъ моихъ посланниковъ въ Регенсбургъ, я приказала акредитовать при Дрезденскомъ дворѣ г. Симолина, инструкціи коего будутъ вамъ сообщены Коллегією. Когда эта экспедиція была готова, я получила ваши оба письма за 42 и 43 отъ (3) 14 Августа. Я съ удовольствіемъ усмотрѣла изъ нихъ, что вслѣдствіе моего письма, посланнаго съ Тиромъ, вы уже положили начало къ тому, чтобы дать другой оборотъ дѣламъ обѣихъ партій; вновь обращаю васъ къ инструкціямъ заключающимся въ моемъ рескриптѣ изъ Коллегіи: вы найдете въ нихъ достаточно указаній для вашего руководства, и я душевно желаю видѣть возстановленіе дѣла при посредствѣ вашей осмотрительности въ положеніе болѣе соотвѣтственное моимъ интересамъ и согласное означеннымъ инструкціямъ.

*

С. Петербургъ, 25 Августа 1763.

Вы найдете въ моемъ рескриптѣ отъ сего дня выраженіе удовольствія, съ какимъ я усмотрѣла, что вы открыли путь къ примиренію способомъ столь соотвѣтствующимъ моимъ намѣреніямъ. Мнѣ останется только увѣдомить васъ о полученіи вашихъ двухъ писемъ за №№ 44 и 45 отъ 4 Сентября новаго стilia, адресованныхъ ко мнѣ въ собственныя руки. Я очень рада усмотрѣть въ нихъ выраженную вами надежду, что мои миролюбивыя чувства умножатъ мнѣ число друзей въ Польшѣ, и что даже люди противной партіи начинаютъ разочаровываться и отдавать справедливость моимъ намѣреніямъ. Но съ другой стороны изъ записки, которую вы мнѣ прислали при вашемъ № 45 я вижу съ неудовольствіемъ, что мои друзья, повидимому, начинаютъ измѣнять свои взгляды. Увѣрьте ихъ, графъ, отъ моего имени самымъ убѣдительнымъ образомъ, что я не осуждаю все то, что было предпринято ими до сихъ поръ; они увидятъ послѣдствія этого и не будутъ

каяться въ нихъ. Ихъ недруги убѣждены и еще болѣе увѣрятся въ томъ, что покровительство, которое я даровала своимъ друзьямъ и мое уваженіе къ нимъ, неизмѣнны; они всегда найдутъ во мнѣ поддержку ихъ праваго дѣла, и я всегда буду содѣйствовать ихъ интересамъ, будучи убѣждена, что они, какъ люди благородные и честные, не захотятъ компрометировать мою славу и интересы моей имперіи. Посылаю вамъ съ этимъ же курьеромъ 20.000 червонныхъ только что выпущенныхъ съ монетнаго двора; кромѣ того я писала вамъ назначить ежегодную пенсію въ три тысячи червонныхъ стольнику, а сегодня повелѣваю вамъ уплатить его долги въ три срока и въ этихъ видахъ сговориться съ нимъ такъ, чтобы къ концу 1764 г. все было уплачено. Объ этомъ (т. е. о переговорахъ) сообщите мнѣ, дабы я могла принять соотвѣтственные мѣры. Остаюсь какъ всегда съ большимъ расположеніемъ къ вамъ Екатерина.

Я вышлю вамъ столы и Китайскіе товары, о которыхъ вы просите вашимъ 46-мъ.

*

Графъ Кайзерлингъ. Такъ какъ не останется времени, чтобы зашифровать это письмо, скажу вамъ держаться инструкціи, данной вамъ въ Февралѣ для дѣла и той, которая послана вамъ съ Зиновьевымъ для мира. Я назначила Репнина, чтобы дѣйствовать совмѣстно съ вами. Если все обойдется спокойно, тѣмъ лучше. Всѣ мои приготовленія лишь предварительныя. Ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ васъ. Поклонитесь моимъ старымъ друзьямъ и поступайте какъ вамъ указано. Письма, написанныя моею рукою и которыя вамъ обѣщаны, не могли быть зашифрованы. Вы можете смѣло увѣрять, что я никогда не позволю, чтобы нарушали законы, вольности и привилегіи націи, и чтобы ни въ какомъ случаѣ не касались формы правленія. Прощайте. Ожидаю остальнаго отъ вашей ловкости и опытности, оставаясь всегда искренно благорасположенная къ вамъ.

*

С.-Петербургъ, 8 Октября 1763 г.

Двумя письмами къ вице-канцлеру отъ 3 (14) и 7 (18) Сентября изъ Лондона графъ А. Р. Воронцовъ сообщаетъ о изданной тамъ противъ Русскаго двора газетѣ.

Резолюція: На сіе три способа есть:

1) Зазвать автора куда способно и поколотить его, 2) или деньгами унимать писать, 3) или уничтожить, 4) или писать въ защищеніе;

а у двора, кажется, дѣлать нечего. И тако изъ сего имѣете выбирать, что вамъ приличнѣе кажется, а сіе пишется къ вице-канц.

Помѣта: Получено изъ дворца 15 Октября 1763.

*

Я получила отъ вашего курьера вашъ № 51. Отвѣчаю на него этимъ письмомъ. Мнѣ кажется, что письмо Саксонскаго курфирета примасу написано тономъ будущаго владыки, который ему пока не слѣдовало бы еще принимать; онъ плохо скрываетъ свое желаніе повѣлывать, оно сквозитъ, и все это письмо исполнено духомъ злокачественнаго лукавства графа Брюля. Я была пріятно поражена и думаю, что всякій истинный патріотъ долженъ почувствовать тоже въ высшей мѣрѣ, видя, что онъ рѣшается опирать свои права на престолъ указаніемъ на царствованіе своего предка, тогда какъ основные законы республики предписываютъ свободное избраніе; три короля къ ряду изъ того же рода на Польскомъ престолѣ слишкомъ пріучили бы слабые умы къ мысли о наслѣдственности престола, а слѣдовательно къ подчиненію ведущему къ рабству, къ которому всякій свободный народъ долженъ имѣть большое отвращеніе. Нахожу также страннымъ, что этотъ курфиреть утверждаетъ, что сосѣднія державы будутъ довольны его избраніемъ; это называется разсчитывать, забывая про хозяина. Или онъ ошибается или его обманываютъ или наконецъ онъ самъ хочетъ обмануть. Законы и вольности республики и ея привилегіи и права будутъ вѣроятно поддержаны всякимъ добрымъ патріотомъ; я столько разъ объявляла съ начала своего царствованія, что я буду и есмь ихъ самая крѣпкая опора. Если республика послѣдуетъ моимъ совѣтамъ, она произведетъ избраніе изъ числа достойныхъ гражданъ, которые родились и возросли на ея лонѣ; только между этими желательно было бы чтобы выборъ палъ на одного изъ Пястовъ, котораго лѣта устраняли бы опасеніе видѣть вскорѣ повтореніе того же положенія, въ которомъ въ настоящее время находятся Польша и ея сосѣди; нужно короля прочнаго на долгое время: таковой, будучи воспитанъ въ Польшѣ, вскормленъ въ духѣ ея законовъ, не заставлялъ бы опасаться ни націю, ни ея сосѣдей, что будетъ помышлять ввести измѣненія въ вольностяхъ этого знаменитаго народа, ни одинъ изъ законовъ коего не можетъ быть малѣйше видоизмѣненъ безъ нанесенія вреда всему дѣлу, на которое я никакъ не могу смотрѣть съ равнодушіемъ по чувству собственнаго достоинства, въ виду всѣхъ заявленій, которыя я дѣлала при покойномъ королѣ, лишь только могла усмотрѣть, что его дѣйствія клонились къ выходу изъ границъ указанныхъ законами. При подобныхъ чувствахъ, я, надѣюсь, пріобрѣла право на то, чтобы всякій истинный Полякъ пола-

галь свое довѣріе на меня, подобно тому какъ мои друзья до сихъ поръ это дѣлали неограниченно, и я признаюсь, что они перестали бы быть таковыми, если бы ихъ дѣйствія не вытекали изъ патріотическаго рвенія поддержать ихъ вѣрнѣйшую опору, т. е. законы. Но такъ какъ всегда есть достаточно неблагомыслящихъ людей и такъ какъ всѣ тѣ, которые смотрятъ на меня съ завистью, сильно хлопчатъ, чтобы дурно истолковать мое прямодушіе и мое безкорыстіе въ особенности въ Польшѣ (чему я имѣла немало доказательствъ, такъ какъ всѣ газеты были переполнены инсинуаціями, произведшими къ несчастію немалое впечатлѣніе) я желала бы, чтобы мои друзья и всѣ тѣ, которые желаютъ изъяснить мнѣ свою преданность, засвидѣтельствовали честность, съ которою я дѣйствую, сдѣлавъ письменную декларацію, которая не будетъ ничего имъ стоить, такъ какъ они уже столько разъ заявляли, что не позволяютъ измѣнить въ чемъ либо настоящую форму республики, ни касаться ея законовъ, вольностей и привилегій. Этимъ самымъ они привлекутъ къ себѣ довѣріе націи и откроютъ мнѣ возможность работать болѣе производительнымъ образомъ въ ихъ пользу, на что я весьма твердо рѣшилась и чему я дамъ имъ самыя несомнѣнныя доказательства какъ теперь, такъ и во всякое другое время. Впрочемъ полагаюсь вполне на ваше усердіе и доказанныя способности, не сомнѣваясь въ томъ, что вы отлично исполните все, чего я отъ васъ ожидаю.

*

С.-Петербургъ, 23 Октября 1763 г.

Я сочла умѣстнымъ написать моимъ друзьямъ прилагаемыя письма; посылаю вамъ ихъ, и вы сдѣлаете изъ нихъ то употребленіе, которое сочтете удобнымъ. Я имѣю всѣ основанія опасаться большихъ противорѣчій со стороны Вѣнскаго двора въ дѣлѣ избранія одного изъ нашихъ кандидатовъ; этотъ дворъ и Версальскій согласились привести къ избранію Саксонскаго курфирста; поэтому глядите въ оба за ихъ происками. Я видѣла письмо изъ Польши изъ хорошаго источника; въ немъ сказано, что умы такъ расположены, что лишь бы я только объявила въ скоромъ времени и рѣшительно свои желанія, мой кандидатъ будетъ избранъ безпрекословно: до того Поляки боятся вызвать замѣшательство и ужасы междоусобной войны у себя. Особенно предлагаю вамъ не упустить минуты, когда вамъ можно будетъ современно обнаружить мои чувства, дабы не могли впасть въ заблужденіе. Имѣйте въ виду, что то мнѣніе, которое составитъ о моемъ царствованіи, въ настоящее время находится въ вашихъ рукахъ. Я приказала отвѣчать тремъ министрамъ, оскорбившимъ меня, и посылаю

вамъ частное письмо для Весселя. Впрочемъ ссылаюсь на депеши Коллегіи. Остаюсь, какъ всегда, весьма благосклонная къ вамъ.

25 Октября 1763 г.

Я только что получила вашъ № 52. Еще разъ напоминаю вамъ; приложите всѣ старанія, чтобы ничѣмъ не коснулись формы республики. Я совершенно довольна приказаніемъ, которое далъ Прусскій король своему резиденту, дѣйствовать единодушно съ вами. Вотъ что значить имѣть дѣло съ умными королями: всякое дѣло дѣлается легкимъ. Приказъ, подписанный рукою Саксонскаго курфирста о томъ, чтобы довѣряли только приказамъ подписаннымъ рукою его жены, въ эту минуту въ особенности доказываетъ большую неосторожность и покажетъ въ Польшѣ, съ кѣмъ бы пришлось имѣть дѣло. Я получила вчера письмо отъ герцога Курляндскаго, въ которомъ онъ проситъ меня не забыть его при этомъ случаѣ, чтобы заставить республику его признать. Если бы вы, графъ Кайзерлингъ, могли привести примаса къ тому, чтобы послать ему извѣстительную грамоту о смерти короля, въ которой онъ былъ бы названъ герцогомъ Курляндскимъ, дѣло было бы пущено въ ходъ и этимъ былъ бы доказанъ кредитъ, которымъ я пользуюсь въ Польшѣ.

Изъ вашего № 53 я видѣла съ большимъ удовольствіемъ, что примасъ измѣнилъ редакцію 7-го пункта, того, гдѣ онъ спрашивалъ мнѣнія сенаторовъ и что все это сдѣлалось по вашему убѣжденію; конечно ничего не можетъ быть нелѣпѣе какъ вѣрить въ то, что труднѣе заручиться небольшимъ числомъ голосовъ чѣмъ всѣми. Настоящая Шведская конституція достаточно доказываетъ, что злоупотребленія проникаютъ всюду. На сегодня не имѣю болѣе ничего сказать. Посылаю вамъ мѣха, о которыхъ вы просили для примаса; желаю, чтобы они ему понравились. Остаюсь какъ всегда благосклонная къ вамъ.

*

Графъ Кайзерлингъ. Князь Репнинъ, который вручить вамъ это письмо, убѣдительно просилъ меня извѣстить васъ, что вы можете имѣть къ нему довѣріе, на которое даютъ ему право рассчитывать чрезвычайное его рвеніе къ моей службѣ, таланты и преданность мнѣ и моей Имперіи; я ему нарочито приказала дѣйствовать вмѣстѣ съ вами насколько только возможно единодушно; ему извѣстно, какъ высоко я цѣню вашу ловкость и степень моего довѣрія и расположенія къ вамъ; онъ вамъ скажетъ, въ какомъ положеніи находятся мои отношенія къ Прусскому королю, а также о полномъ сближеніи, установившемся

между мною и этимъ монархомъ по нашей частной перепискѣ. Прощайте; у меня было еще нѣсколько приступовъ лихорадки, и я еще довольно слаба.

Такъ какъ все могущее вести къ единенію или разьединенію моихъ друзей въ Польшѣ не можетъ быть разсматриваемо съ моей стороны съ равнодушіемъ, я пишу вамъ сегодня это письмо, чтобы сообщить вамъ, что до меня дошли свѣдѣнія, что Французскій агентъ, въ Варшавѣ, кажется, Генинъ распространялъ слухи, будто графъ Огинскій, зять князя-канцлера, связанный узами тѣсной дружбы съ пребывающимъ здѣсь Датскимъ посланникомъ барономъ Остеномъ, задумалъ собственно имъ принадлежащій планъ возвести на королевскій престолъ графа Огинскаго, что Датскій дворъ сочувствуетъ этому плану, и что г. Остенъ работаетъ, чтобы согласить меня на оный. Все это по истинѣ выдуманно. Правда, что этотъ посланникъ весьма друженъ съ графомъ Огинскимъ; правда также, что онъ писалъ своему двору, что этотъ графъ имѣетъ много друзей и партизановъ въ Литвѣ, но онъ не работалъ здѣсь въ его пользу. Онъ мнѣ говорилъ о путешествіи, которое графъ Огинскій думалъ предпринять сюда, не прибавляя къ тому ничего, кромѣ нѣсколькихъ похвалъ этому графу. Я же думаю, что все остальное въ этой баснѣ изобрѣтено Гениномъ, чтобы разьединить моихъ друзей, и слѣдуетъ ожидать еще болѣе выдумокъ и клеветъ. Это есть оружіе слабыхъ и когда нѣтъ другихъ средствъ, то прибѣгаютъ къ нему. Посовѣтуйте хорошенько моимъ друзьямъ презирать подобныя расказы, держаться твердо и дружно и имѣть твердое и полное довѣріе къ моей помощи и содѣйствію, которое безъ сомнѣнія проявится ни слабо, ни на половину, но разумѣется, своевременно и со всею силою, которую Богъ вложилъ въ мои руки и какъ вы, графъ Кайзерлингъ, можете о томъ засвидѣтельствовать искренно въ виду вашихъ инструкцій. Прошу васъ хорошенько увѣрить въ этомъ моихъ друзей, которые, какъ мнѣ кажется, начинаютъ сомнѣваться въ этомъ. Впрочемъ пребываю какъ всегда съ большимъ расположеніемъ къ вамъ.

18 Ноября 1763 г. С. Петербургъ.

Пакетъ былъ уже запечатанъ, когда я узнала обстоятельство весьма странное: мнѣ говорили за навѣрное, что императрица-королева отправила генерала Понятовскаго къ его семейству сообщить оному, что она не будетъ противиться ничему тому, что могло бы случиться для нихъ счастливаго, а именно избранію кого-либо изъ ихъ рода. Узнайте, что въ этомъ вѣрнаго? Ибо Прусскій король сообщилъ мнѣ чрезъ князя Долгорукаго, что онъ только что получилъ отъ той же

имп. королевы письмо, которымъ она приглашаетъ его къ содѣйствию вмѣстѣ съ нею Саксонскому курфирсту, и кромѣ того сообщаетъ королю, что она писала мнѣ подобное же письмо, котораго однако ея посолъ не передавалъ мнѣ до сихъ поръ, хотя прошло уже добрыхъ 8 дней со времени прибытія къ нему курьера, что заставляетъ меня думать, что, узнавъ что я писала этой владѣтельной особѣ и догадываясь, что это было въ совершенно другомъ родѣ и видахъ, онъ не нашель умѣстнымъ вручить мнѣ это письмо, и ожидаетъ отвѣта на мое письмо, чтобы знать, чего держаться. Если же посылка генерала Понятовскаго дѣйствительно имѣла мѣсто, вотъ доказательство двоедушія Вѣнскаго двора. Я считала необходимымъ, чтобы вы знали объ этомъ обстоятельстве и могли извлечь изъ этого при случаѣ пользу, дабы мои друзья надѣялись только на насъ.

Если для деклараціи, которой желаютъ мои друзья, вы считаете мою подпись совершенно необходимою, я уполномочиваю васъ употребить для этой цѣли одинъ изъ бланковъ, которые вамъ везетъ князь Репнинъ. Я думаю также, что когда вы получите инструкціи, вы, быть можетъ, усилите эту декларацію. Что касается до поясненія къ запискѣ, я не имѣю ничего отвѣтить кромѣ того, чтобы вы увѣряли моихъ друзей въ неизмѣнности моихъ намѣреній и что я употреблю на то все средства, которыя Богъ далъ мнѣ въ руки. Прошу васъ вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Кайзерлингъ, совѣщаться самымъ искреннимъ образомъ съ нашими друзьями обо всемъ, что можетъ быть полезно успѣху моего намѣренія; съ другой стороны вы можете быть увѣрены въ томъ, что ничто не будетъ упущено въ тѣхъ мѣрахъ, которыя будутъ приняты мною совместно съ Прусскимъ королемъ.

Объ Императорскомъ титулѣ вами заявлено такъ какъ нельзя лучше; желать останется только одобреніе республики. По этому предмету я ссылаюсь на то, что вамъ было сообщено Коллегіею. Мнѣ кажется, что Поляки знаютъ, что Англійскій король носить титулъ короля Франціи, не имѣя никакихъ притязаній и ни пяди земли во Франціи. Вы могли судить по приказаніямъ Прусскаго короля господину Бенуа, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ мы находимся теперь. Онъ почерпнулъ данныя имъ инструкціи почти слово въ слово изъ моего письма къ нему (этому королю).

Если родъ Чарторижскихъ не въ состояніи сдѣлать богатымъ кандидата на престолъ, они могутъ по крайней мѣрѣ помочь ему или улучшить его положеніе; онъ вознаградитъ ихъ достаточно староствами и пр. Впрочемъ въ вашихъ инструкціяхъ есть пунктъ, который достаточно ознакомитъ васъ съ моими мыслями.

Замѣчанія по Курляндскимъ дѣламъ, которыя вы требуете, печатаются и будутъ вамъ высланы. Если это письмо покажется вамъ неслучайнымъ, не удивляйтесь: теперь пять часовъ утра. Я какъ всегда остаюсь весьма расположенною къ вамъ.

Царское Село, 22 Ноября 1763.

P. S. Посылаю вамъ при семъ жалкое письмо, которое написала мнѣ Императрица-королева въ отвѣтъ на то, которое я ей писала, въ виду того, что письмо писанное ею мнѣ по полученіи извѣстія о смерти Польскаго короля не было передано мнѣ ея посломъ, хотя она извѣщала Прусскаго короля, что пишетъ мнѣ также.

Я забыла вамъ сказать, что я не могу согласиться перевести изъ моей службы на службу моихъ друзей 400 гусаръ и ста артиллеристовъ, потому что это надѣлало бы слишкомъ много шума: они всѣ Русскіе. Но когда они перейдутъ границу, ихъ командиръ заставитъ ихъ надѣть, подъ предлогомъ военной хитрости, какой угодно мундиръ, лишь бы они оставались на моей службѣ; впрочемъ побѣги будутъ неизбѣжны, и это посѣтетъ смятеніе въ частяхъ на границахъ. Послѣдній бунтъ произошелъ отчасти оттого, что солдаты полагали, что будутъ переведены на Прусскую службу. У насъ есть очень горячія головы, и маленькія причины производятъ болѣе впечатлѣнія чѣмъ большія; въ Смоленскѣ будетъ двѣсти человѣкъ изъ того самаго гусарскаго полка, который пришелъ такъ кстати въ день моего восшествія на престолъ и сопровождалъ меня въ Петергофъ; это самые смиренные люди и которые, лишь бы не опасеніе оставить отечество, сдѣлаютъ все, чего отъ нихъ требуютъ.

Мы оставимъ сеймъ продолжать его занятія; если же мы увидимъ, что онъ дѣйствуетъ противъ нашихъ желаній, мы сорвемъ его во что бы то ни стало, съ большими или малыми расходами, и Биронъ тѣмъ не менѣе останется обладателемъ Курляндіи, а принцъ Карлъ будетъ изгнанъ изъ оной, и дѣло окончательно устроится, когда престолъ сдѣлается вакантнымъ, и тогда мы съ помощію конфедераціи достигнемъ разомъ двухъ цѣлей, вмѣсто того, чтобы быть вынужденными два раза начинать сначала; невозможно допустить, чтобы мои друзья были раздавлены. Между тѣмъ я надѣюсь, что число ихъ вашими стараніями приумножится. Впрочемъ если они полагаютъ, что только конфедерація можетъ ихъ спасти, я поддержу ее, потому что мнѣ кажется, что ихъ спасеніе столько же нужно для меня, какъ и для нихъ самихъ. Я только боюсь, чтобы они не зашли слишкомъ далеко. По этимъ всѣмъ соображеніямъ я признала необходимымъ обезпечить себѣ твердое поло-

женіе четырьмя корпусами; я ожидаю съ нетерпѣніемъ отвѣта Прусскаго короля и не сомнѣваюсь въ томъ, что мы вскорѣ будемъ въ согласіи съ нимъ.

Посылаю вамъ стоимость 50 т. червонныхъ какъ червонцами такъ и имперіалами за неимѣніемъ червонцевъ. Если вы не можете употребить ихъ въ дѣло, возвратите ихъ, и я вамъ пошлю мелкихъ векселей, на которыхъ я потеряю девять тысячъ рублей. Это и побудило меня выслать вамъ деньги натурою. Вы не разрѣшайте выдачу Кіевскаго и Смоленскаго оружія иначе какъ въ случаѣ необходимой надобности. Если бы судъ противъ Бирона состоялся, вамъ и моимъ друзьямъ не слѣдуетъ щадить ни трудовъ, ни денегъ, чтобы привести къ передачѣ дѣло на разсмотрѣніе республики, какъ принадлежащее ее разрѣшенію. Биронъ съ своей стороны будетъ знать, что ему слѣдуетъ дѣлать въ случаѣ подобнаго вызова къ суду.

Рескриптъ Екатерины Великой Н. А. Татищеву.

Господинъ Генераль Маиоръ и *Нашей* лейбъ гвардіи Маиоръ Татищевъ! Изъ приложеннаго при семъ рапорта усмотрите вы, сколько нужно поспѣшить въ подобающее устройство лейбъ гвардіи Преображенскаго полка Баталіоны. А потому и желаю я, чтобы вы приняли на себя трудъ на самое короткое время съѣздить на мѣсто пребыванія ихъ и учредя самолично все требующее вашего поправленія возвратиться сюда. Пребываю къ вамъ всегда благосклонна.

Апрѣля 25 дня 1790 года. Въ Царскомъ Селѣ. Екатерина.

Настоящій рескриптъ сохранился у вдовы д. с. с. В. В. Бекмана и нынѣ переданъ ею въ Рукописное Отдѣленіе Библиотеки Имп. Академіи Наукъ при посредствѣ М. И. Шопена. Рескриптъ обращенъ къ Николаю Алексѣевичу Татищеву (род. 1739 † 1823), родоначальнику графской вѣтви рода Татищевыхъ, возведенному въ графское достоинство Россійской Имперіи въ день коронаціи Имп. Александра I-го, 15 Сентября 1801 г., въ бытность его генераломъ-отъ-инфантеріи, командиромъ л.-гв. Преображенскаго полка и инспекторомъ по инфантеріи С.-Петербургской инспекціи *), Въ Преображенскомъ полку Н. А. Татищевъ служилъ съ 22 Февр. 1783 г., когда, произведенный въ генераль-маіора изъ бригадировъ Ново-Троицкаго кирасирскаго полка, былъ назначенъ его командиромъ съ чиномъ премьерь-маіора. Незадолго до полученія рескрипта Татищевъ вернулся изъ Финляндіи, куда въ 1788 г. былъ отправленъ съ баталіонами Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полка и эскадронами Конной гвардіи, для участія въ войнѣ съ Швеціей.

Рапорта, который былъ приложенъ къ рескрипту Императрицы, при немъ не сохранилось. Б. Модзалевскій.

*) См. С. С. Татищевъ. Родъ Татищевыхъ, С.-Пб. 1900 стр. 115--117.